

=====

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

=====

УДК 327

БАЛТИЙСКО-СКАНДИНАВСКИЙ МАКРОРЕГИОН: РЕГИОНАЛИЗМ НОВОГО ТИПА¹

© 2025 ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 09.09.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Аннотация. Статья посвящена формированию Балтийско-Скандинавского макрорегиона (БСМ), его предыстории и основным характеристикам. На примере БСМ исследуется макрорегион нового типа, присущий полицентричной системе международных отношений. Предложено относить БСМ к формам эволюции «нового» интеррегионализма (пост-неоинтеррегионализм), который трансформируется в макрорегион. Рассмотрено понятие «геополитической плотности». Дан анализ процесса секьюритизации БСМ, которому предшествовал транзит от соперничества к сотрудничеству в условиях перехода мира от биполярности к полицентризму. Предложен тезис о том, что «стянутость» пространства БСМ может носить как «позитивный» (кооперационный), так и «негативный» (конфронтационный) характер. Показано, что на современном этапе быстрыми темпами происходит милитаризация БСМ, в который переместились основные контактные зоны между Россией и НАТО, находившиеся в период холодной войны в центре Европы. Сделано предположение, что воссоздание в БСМ долгосрочных механизмов блокового противостояния по типу холодной войны в среднесрочном плане не будет успешным, так как не соответствует объективным интересам расположенных здесь стран и народов.

Ключевые слова: Балтийско-Скандинавский макрорегион, регионализм, интеррегионализм, Северная Европа, геополитическая плотность, Балтийский регион, милитаризация

DOI: 10.7868/S3034599525060014

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Гипотеза исследования

Одна из базовых классификаций современных регионов мира разработана специалистами из статистического департамента секретариата ООН. Первая публикация на эту тему в «серии М» за номером 49 увидела свет в 1970 г. под названием «Стандартные коды стран ООН»¹. Введённые обозначения получили название «стандарт М49», сохранившийся в последующих вариантах этой классификации. На тот год привычного для сегодняшнего времени регионального деления по очевидным историческим причинам не было. Регион «Европа» делился на членов Европейского экономического сообщества², Европейской ассоциации свободной торговли³, «другую Европу»⁴, государства централизованно-плановой экономики⁵ и СССР. Страны будущего БСМ тогда входили в состав всех перечисленных категорий. В 1975 г. обновлённый стандарт М49 вышел под расширенным заголовком «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике»⁶. Во втором обновлении 1982 г.⁷ появилась географическая классификация, основанная на «континентальном делении», которые в свою очередь делятся на суб- и промежуточные регионы Северной Европы. В 1996 г. регионы Европы и Азии были дополнены новыми странами в результате распада СССР. Последняя актуализация стандарта произошла в 2001 г. По традиции Европа как макрогеографический (континентальный) регион подразделена на географические регионы, включая Северную Европу. В этом перечне – не только международно признанные суверенные государства, но и ряд автономных образований, таких как остров Мэн, самоуправляемое владение Британской короны; Фарерские острова, автономный регион Дании, и др. Из первой категории (члены ООН) в перечень стран Северной Европы входят: Дания, Исландия, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Соединённое Королевство, Финляндия, Швеция, Эстония⁸. К предмету данного исследования – Балтийско-

¹ United Nations Standard Country Code. Statistical Papers. Series M49. 1970. URL: [https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_\(1970\)_en-fr.pdf](https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_(1970)_en-fr.pdf) (дата обращения: 08.10.2025).

² Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, ФРГ.

³ Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Фарерские острова, Финляндия, Швейцария, Швеция.

⁴ Андорра, Гибралтар, Греция, Исландия, Испания, Ирландия, Мальта, Югославия.

⁵ Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия.

⁶ United Nations Standard Country or Area Code for Statistical Use. Statistical Papers. Series M49, Rev1. 1970. URL: [https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev1_\(1975\)_en.pdf](https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev1_(1975)_en.pdf) (дата обращения: 08.10.2025).

⁷ United Nations Standard Country or Area Code for Statistical Use. Statistical Papers. Series M49, Rev2. 1982. URL: [https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev2_\(1982\)_en.pdf](https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev2_(1982)_en.pdf) (дата обращения: 08.10.2025).

⁸ Стандартные коды стран или районов для использования в статистике. Секретариат ООН. Corrigendum. Ref: Sales No. R.98.XVII.14. 30 April 2001. URL: [https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev4\(2001\)_ru.pdf](https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev4(2001)_ru.pdf) (дата обращения: 08.10.2025).

Скандинавскому макрорегиону (БСМ)¹ – принадлежат не только североευропейские государства, согласно классификации ООН, но и ряд государств географических регионов «Восточная Европа» и «Западная Европа».

Гипотеза исследования заключается в том, что в последующий после окончания холодной войны период возник феномен макрорегиона нового типа («нового» макрорегиона). На севере Европы он принял форму Балтийско-Скандинавского макрорегиона, который охватывает скандинавские государства (Исландия, Дания, Норвегия, Швеция), Финляндию, другие страны бассейна Балтийского моря (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Россия, Германия). Ряд из них полностью расположены в границах БСМ, другие частично (например, северо-запад России, север Германии), третьи прилегают к нему (Белоруссия, Британия, Нидерланды). Они имеют здесь прямой или опосредованный интерес, включая военно-политический, экономический, арктический. БСМ выходит далеко за пределы традиционного представления о регионе Северной Европы² (северная часть европейского Запада), превращаясь в макрорегион, вбирающий в себя больше стран (в первую очередь государства Прибалтики) и пространственных векторов (балтийский, арктический, североатлантический). «Новый» макрорегион объединяет в себе достаточно ясно очерченные территориальные кластеры (регионы, субрегионы), вхождение в состав которых может пересекаться. В данном случае речь идёт, например, о таких кластерах, как российско-белорусский, прибалтийский, финно-скандинавский, арктический, прибрежные государства южного побережья Балтийского моря. Перед исследователями встаёт задача обосновать контуры «нового» макрорегиона, его внутреннюю структуру и осевые проблемы, в той или иной мере связывающие входящие в него государства и организации в общей системе координат.

Измерения Северной Европы: концептуальное осмысление

Расширенное представление о Северной Европе было отражено в концепции и программе «Северное измерение» Евросоюза, отсчитывающей свою официальную

¹ В Институте Европы РАН принято следующее определение БСМ: политико-географическая, социально-экономическая, военно-политическая и культурно-историческая область Европы, омываемая пятью морями (Баренцевым, Белым, Балтийским, Северным и Норвежским) и включающая страны, совокупные особенности которых описываются такими понятиями, как Скандинавский полуостров, Скандинавия, природная страна Фенноскандия, Прибалтика, Балтийский регион. К БСМ относятся: Россия, Белоруссия, Норвегия, Швеция, Дания, Исландия, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Германия, а также частично Британия и Нидерланды. Структуризация БСМ продолжается, идёт процесс его адаптации к асимметрии между статичной физической и динамичной политэкономической географией, в рамках которой происходит изменение не пограничных регионов, но и геополитического позиционирования отдельных государств и их группировок.

² В комплексной коллективной монографии 2008 г. к североευропейскому региону традиционно были отнесены Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция. См.: [Северная Европа. Регион нового развития, 2008: 9].

историю с 1999 г. и длительное время включавшей комплекс отношений между четырьмя «партнёрами»: ЕС, Россией, Норвегией и Исландией. К программе «Северного измерения» в большей или меньшей степени относилась деятельность целого ряда организаций: Арктического совета (создан в 1996 г.), Совета Баренцева/Евро-Арктического региона (1993), Совета государств Балтийского моря (1992), Северного Совета (1952), включая Северный Совет министров (1971), Северного инвестиционного банка (1975) и др. На рубеже 2000-х – 2010-х гг. российские эксперты пришли к выводу о том, что по некоторым направлениям по уровню развития многосторонних связей страны Северной Европы в рамках «северного сотрудничества» превосходят интеграционные группировки, в том числе ЕС [Воронков, 2009; Европейская интеграция, 2011: 631]. Это утверждение было поддержано в других работах крупных отечественных учёных [Антюшина, 2014: 178–179]. Также отмечалось, что «северное сотрудничество» покоилось на прочном идейно-политическом фундаменте, включая концепцию «скандинавизма» (панскандинавизма) и «нордизма» (в отношении к Финляндии) [Воронков, 2016].

Со временем была сформулирована концепция «нового северного измерения» политики соседства ЕС с акцентом на развитие кооперации между интеграционным объединением и Россией [The New Northern Dimension..., 2008]. Во второй половине 1990-х гг. финские специалисты предложили термин «Новый Север Европы», обозначающий пространство от северной Атлантики до Севера-Запада России и от Шпицбергена до государств южной части Балтийского региона [Heininen, Kähkönen, 1998]. В России в научный оборот понятие «новая Северная Европа», включающее, помимо традиционной североευропейской «пятёрки», прибалтийские государства и РФ, введено в публикациях Института Европы РАН [Северная Европа. Регион нового развития, 2008: 10, 64]. В 2011 г. было предложено российское видение концепции «Новый Север», охватывающей государства, расположенные в Арктическом, Североевропейском, Балтийском регионах, включая Северо-Запад России [Маркушина, 2011]. В те же годы пространство «Северного измерения» стали именовать макрорегионом, вбирающим регион Балтийского моря и приграничное сотрудничество России и ЕС [Балтийское море: от координации стратегий..., 2013].

Эти пересекающиеся территории стали предметом стратегических документов, например, Стратегии ЕС для региона Балтийского моря 2009 г. и Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа РФ до 2020 г. Был выдвинут тезис о том, что «Балтийское море является неотъемлемой частью двух макрорегионов на севере Европы» [Балтийское море: от координации стратегий..., 2013: 10], имея в виду деятельность Совета государств Балтийского моря и Совета Баренцева/Евро-Арктического региона. Необходимо отметить, что для ЕС «макрорегиональная» стратегия в отношении региона Балтийского моря была не единственной: вслед за ней появились схожие стратегии для Дунайского (2010), Адриатико-Ионического (2014), Альпийского (2015) регионов [Пальмовский, 2021: 141]. Правда, достаточно быстро выяснилось, что балтийская стратегия ЕС, с точки зрения российских интересов, не столько дополняла «Северное измерение», сколько шла с ним вразрез [Болотникова, Межевич, 2012: 45]. Вероятно, больше всего новейших исследований и специализированных изданий посвящено

Балтийскому региону, в том числе критериям включения в его состав тех или иных стран. Например, группа российских и польских учёных предложила узкое, расширенное и широкое понимание такого состава, используя членство в программах VASAB и Interreg [Клемешев, Корнеевой, Пальмовский, Студжиницки, Фёдоров, 2017: 7–28]. В других исследованиях обосновывалась концепция «Балтийского макрорегиона», например, с точки зрения подхода «географические факторы – коммуникации – инновации» [Пилясов, Клименко, 2011: 71–87]. Свою известную историю имеет геополитическая концепция Балтоскандии.

В 2015 г. в России на государственном уровне выдвинута концепция Большого Евразийского партнёрства (БЕП). К тому времени отношения между РФ и западными странами заметно ухудшались, но этот процесс ещё не принял лавинообразного характера. В российском научном дискурсе северные пространства Европы и европейскую часть Арктики стали встраивать в «мегарегион» БЕП. Было предложено считать, что его развитие «началось с севера Европы как развитие сотрудничества между севером Европы и Северо-Западом Российской Федерации», которое включало приграничное сотрудничество и макрорегион политики «Северного измерения», в центре которой помещался регион Балтийского моря [Максимцев, Саржина, Ходзько, Юргенс, 2021: 49].

Представляется, что с тех пор территориальный и смысловой охват макрорегиона на севере Европы расширился по сравнению с ЕС-центричным вариантом «Северного измерения»¹, не говоря уже о Стратегии ЕС для региона Балтийского моря, развиваясь в духе идеи «нового Севера» и с учётом развития концепции макрорегиона БЕП. Менялись и внутреннее содержание, структура многосоставного пространства, принявшего форму Балтийско-Скандинавского макрорегиона.

Что представляет собой БСМ с точки зрения регионализма? Рассматриваем регионализм как естественный ход событий, объективное явление, приводящие к формированию многосоставного трансрегионального пространства, которое является сложным сочетанием центробежных и центростремительных процессов и не обязательно представляет собой группу однотипных стран и субрегионов. Эта новизна регионализма не укладывается в определение «нового» регионализма, тем более «старого»². Он не замкнутый и имеет открытый тип, но не представляет собой интеграционный феномен, то есть не приводит к формированию региональной или трансрегиональной идентичности. Он также отличается от понятия «мега-регионализм» как «высшей стадии процесса регионализации» («Пояс и путь», ВРЭП и др.) [Спартак, 2017: 13–37]. В «новом» макрорегионе экономические и торговые интересы внутренних игроков «нового» макрорегиона являются лишь одним

¹ Специалистами из стран ЕС Северное измерение рассматривалось не иначе, как продукт расширения ЕС или как модель регулирования политики ближнего зарубежья. Само понятие «Северная Европа» трактовалось как часть ЕС. См.: [Северное Вече. Материалы II Открытой встречи СИФ, 2002: 93, 100, 133].

² По смыслу исследований М. Шульца, Ф. Седербаума, И. Ожендал, М. Дойджа и др. См.: [Hettne, Inotia, Sunkel, 1999; Schulz, Söderbaum, Öjendal, 2001; Doidge, 2015. О современных подходах к анализу регионализма см.: [Лагутина, Михайленко, 2020: 261–278].

из драйверов процесса регионализации¹. Он принадлежит к постбиполярному миру, точнее – является порождением полицентризма в системе международных отношений и поэтому может считаться также формой «геополитического регионализма» [Хейфец, 2024: 7–22]. Такой макрорегион по своей природе полицентричен (много-сторонен) и может быть отнесён к формам эволюции «нового» интеррегионализма [Hänggi, Roloff, Rüland, 2018: 69–83; Михайленко, Михайленко, 2019] (предложим также термин «пост-неоинтеррегионализм»). Другими словами, в условиях полицентризма «новый» интеррегионализм может трансформироваться, принимая форму макрорегиона нового типа (трансрегионализма).

Исходя из своей природы такой макрорегион не нуждается в создании наднациональных структур и не несёт в себе риски, с которыми в XXI в., особенно после брекзита, стал ассоциироваться ЕС (риски распада региональной интеграции в связи с ростом асимметрии между межгосударственной и наднациональной опорами в пользу последней). ЕС долгое время служил эталоном неолиберальной модели глобализации, тогда как для полицентричной модели одной из опор становился трансрегионализм по типу БСМ. Во многом наднациональная надстройка в ЕС отражала одно из направлений развития неолиберальной глобализации – представление о размытии границ между государствами и о постепенном отживании института государства-нации как такового. Полицентричная глобализация опирается на противоположный феномен, своего рода контрфорс в истории диалектики «глобальное-региональное» – на ренессанс института государства-нации, на переутверждение национального государства как главного строительного блока системы международных отношений (что не умаляет роль негосударственных субъектов в современной мировой политике).

Понятие «макрорегион» тесно связано с пространственным развитием, как стратегическим, так и ситуативным. БСМ не является какой-либо упорядоченной целостностью. В рамках бывшего европоцентризма международных отношений, длительное время, по крайней мере в постнаполеоновский период и до Второй мировой войны, большая часть будущего БСМ оказалась на периферии этого порядка. После 1945 г., по мере смены европоцентризма биполярностью, пространство будущего макрорегиона сохранило своё периферийное положение. В БСМ также прослеживаются элементы и внутренней макрорегиональной полицентричности, и внутренней биполярности. Региональная полицентричность проявляется в примерной равновеликости целого ряда государств (например, скандинавские страны, за исключением Исландии, и Финляндия), в растущих амбициях Польши, во влияние на БСМ таких крупных государств, как Британия, Германия, Россия. Внутренняя биполярность макрорегиона отражена в растущем противостоянии между «западной» частью БСМ (государства – члены ЕС и НАТО) и, с другой стороны, – Россией и Белоруссией. Проявление такой биполярности со временем лишь усилилось на фоне роста геополитической конкуренции в мировом масштабе и в результате по-

¹ Например, энергетические трансформации в мире приводят ряд исследователей к выводу о том, что существуют мегарегионы Сибирь и Скандинавия, см.: [Горбачёва, 2023: 21–41].

чти полного ухода в прошлое института нейтралитета в Северной Европе после присоединения к НАТО Финляндии и Швеции.

Пространство, которое в настоящее время входит в БСМ, в прошлые исторические периоды не раз играло существенную роль в трансрегиональных и глобальных процессах начиная с древних времён («лангобардские пути», «путь из варяг в греки»), и до Новейшей истории (например, как одно из пространств конкуренции СССР/России и США/НАТО). Именно здесь в XII–XVII вв. сложился феномен Ганзейского союза, который по-своему использовал опыт средиземноморских морских торговых союзов, и во многом успешнее них. Этот феномен не потерял своей актуальности и в XXI веке, питая, например, идею ганзейской модели международных отношений [Кортунов, 2019]. Ганза в течение нескольких столетий оказывала значительное влияние на развитие части сегодняшнего пространства БСМ, имела несколько векторов, включая атлантический, балтийский, скандинавский. Восточная часть этого пространства в прошлом становилась средоточием внешнеполитической стратегии Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Петра I по превращению России в одну из крупнейших держав, в первую очередь в конкуренции со Шведской империей, одной из ведущих европейских центров силы своего времени.

Пространство БСМ прилегал к эпицентрам Первой и Второй мировых войн (Россия, Германия, Британия). На протяжении XVIII–XX вв. границы государств будущего макрорегиона были подвижными и изменчивыми, как и их принадлежность к тому или иному геополитическому проекту (например, страны Прибалтики). Особым вопросом стали польские границы, которые неоднократно пересматривались вплоть до 1945 г. Польская проблематика стала одной из наиболее сложных на переговорах «большой тройки» (лидеров СССР, США и Британии) в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Закрепление послевоенных границ в Европе в хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 г. было во многом пересмотрено в результате развала Советского Союза, в частности независимость обрели страны Прибалтики и Белоруссия. Но появление всё новых элементов для складывания БСМ в XXI в., изменение соответствующих государственных границ имело и оборотную сторону – со временем в военном мышлении НАТО была реанимирована тема «сувалкского коридора»¹, но теперь с точки зрения уязвимости самого альянса, а расположение Калининградской области, оказавшейся с 1991 г. российским эксклавом, превратилось в особый предмет озабоченности в военном планировании РФ.

¹ Сувалки – город на северо-востоке современной Польши. После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. был присоединён к Пруссии. По решению Венского конгресса в 1815 г. вошёл в состав Царства Польского в династической унии с Россией. В Первую мировую войну оккупирован немецкими войсками, затем польскими. Во время русско-польской войны и польско-литовской войны несколько раз переходил из рук в руки. По советско-литовскому мирному договору Сувалки отошёл, как и Вильнюс, Литовской республике, затем вновь был оккупирован Польшей. В октябре 1939 г. Вильнюс, в отличие от Сувалок, был возвращён Литве согласно договору о взаимопомощи между СССР и Литвой. «Сувалкский коридор» (англ. Suvalki gap) – часть польско-литовской границы между Белоруссией и Калининградской областью РФ.

В годы холодной войны значение пространства будущего макрорегиона подчёркивалось, помимо прочего, близостью двух противостоящих военных инфраструктур СССР и США/НАТО в Северных широтах, как и наличием вариаций военного суверенитета и военной сдержанности в политике ряда входящих в БСМ стран (Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия). Апогей разрядки в середине 1970-х гг. олицетворял Заключительный акт СБСЕ, получивший наименование хельсинкский по месту проведения Совещания. Неотъемлемой частью периода *детанта* были такие политические фигуры, как финны Урхо Кекконен и Мауно Койвисто, швед Улоф Пальме. Признание ведущими державами особенности международной идентичности ряда государств, относящихся теперь к БСМ, стало избрание на пост генерального секретаря ООН норвежца Трюгве Ли и шведа Дага Хаммаршёльда.

Во второй половине XX века общеевропейское значение, а во многом и мировое, сыграло формирование в этой части Европы североевропейской (скандинавской) модели социально-экономического развития, которая долгое время ассоциировалась с наиболее успешным вариантом социальной рыночной экономики и государства благосостояния, высокими стандартами жизни, социальной справедливостью, устойчивой политической системой¹. Наибольшую международную известность, особенно в 1970-е – 1980-е гг., получила одна из страновых разновидностей этой модели – шведская, которая в её классическом виде с тех пор ушла в прошлое. В советское время, в период перестройки, её называли «шведским социализмом».

На формирование границ БСМ масштабное влияние оказала дезинтеграция Советского Союза, Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора и последующее ускорение интеграционных процессов в Евро-Атлантике в виде нескольких волн расширения Евросоюза и НАТО. Оглядываясь назад, можно констатировать, что в последние десятилетия, постепенно или ускоренным темпом, шло накопление не только элементов прочности (внутренней связанности, взаимозависимости) внутри БСМ, но и дестабилизирующих элементов, раздражителей как внутри границ макрорегиона, так и в прилегающих к нему зонах. К элементам прочности относятся, например, усиление интеграционных связей, с одной стороны, между странами в рамках ЕС и НАТО, с другой – между членами Союзного государства России и Белоруссии.

К элементам внутренней дестабилизации в БСМ можно отнести ущемление прав русскоязычного населения стран Прибалтики, экспансию Североатлантического альянса, милитаризацию скандинавских стран, Финляндии и региона Балтийского моря в целом, выхолащивание института европейского нейтралитета, антироссийскую санкционную политику. Дестабилизирующее влияние на архитектуру европейской безопасности, в том числе в отношении БСМ, оказали внеевропейские факторы, включая выход США из ряда двусторонних и многосторонних соглашений (Договор по противоракетной обороне, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Договор по открытому небу, почти полная заморозка работы Арктического совета и др.).

¹ [Антюшина, 2014]. См. также работы Л.С. Воронкова, Ю.С. Дерябина, Н.С. Плевако.

История развития БСМ отмечена изменением «буферного» состояния ряда его субрегионов в пользу укрепления их собственной субъектности, что, например, проявилось в инверсии феномена «лимитрофности», то есть зависимости малого государства от своего «патрона», с постепенным переходом к обратной зависимости (крупного государства от более слабого, что в политических исследованиях порой обозначается выражением «хвост виляет собакой»). Так, это относится к возрастанию субъектности, в смысле способности влиять или манипулировать более крупными игроками, Польши и стран Прибалтики в балансе сил внутри ЕС и особенно в НАТО¹. В данном случае такой эффект был достигнут с помощью системного внедрения антироссийских и антибелорусских нарративов и клише, позиционирования себя как наиболее уязвимой компонента «восточного фланга» НАТО. Однако имел место и противоположный сдвиг, когда ряд государств БСМ лишились части своей субъектности. В первую очередь речь идёт о Швеции и Финляндии, которые отказались от национальных вариаций института нейтралитета в пользу вступления в НАТО с потерей соответствующих международных политических преимуществ. Субъектность же Белоруссии повышалась в результате всё более тесного взаимодействия и взаимозависимости с Россией в рамках Союзного государства, посреднической роли Республики в период с 2014 по 2022 гг. на базе договорённостей «Минск-1» и «Минск-2».

В ходе своего формирования БСМ испытал попытки его «геополитического растяжения», например, усилиями Польши по современному изданию проекта «Междуморья» (Интермариум), корнями уходящего в межвоенные планы Ю. Пилсудского. В случае успеха такого проекта геополитическое пространство макрорегиона, в его восточноевропейской части, могло быть обременено ответвлением в сторону Чёрного и Адриатического морей. Деформация контуров складывавшегося БСМ могла бы произойти в случае успеха проекта ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), созданного в 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией. В его работе активное участие принимали прибалтийские государства и Польша. На складывание БСМ значительное влияние оказало «Восточное партнёрство», учреждённое в 2009 г. на саммите в Праге. Несмотря на то что из стран, относящихся к БСМ, в состав «партнёрства» входила только Белоруссия, антироссийская направленность проекта, изначально в него встроенная, лишь усиливала дестабилизирующий потенциал как во внутреннем развитии макрорегиона, так и в положении дел в его приграничных зонах. К БСМ с юго-востока прилегал ещё один проект – «Бухарестская девятка», среди членов которой – Польша, Литва, Латвия и Эстония. Но его геополитический центр притяжения – Черноморский регион.

В то же время важным этапом в развитии БСМ стало создание многочисленных структур и организаций, о которых сказано выше и которые были призваны сни-

¹ Рост влияния представителей прибалтийских стран в структурах ЕС прослеживается на примерах назначения эстонки К. Каллас на пост Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и литовца А. Кубилюса на пост еврокомиссара по безопасности, оборонной промышленности и космосу. См.: [Гуселетов, 2024: 22–33].

зить или вовсе устранить принципиальные политические и иные противоречия между различными частями макрорегиона, минимизировать потенциал новых геополитических расколов внутри него. Именно в тот период БСМ с помощью густой сети сотрудничества и партнёрств вплотную приблизился к созданию трансрегионального пространства, в рамках которого преодолевается глубоко укоренившаяся отчуждённость между разными геополитическими и/или цивилизационными проектами. С этой точки зрения, формирование БСМ работало не на фрагментацию и деглобализацию, а на геополитическое, а значит на социальное, экономическое, гуманитарное стягивание¹ пространства, на развитие территорий пересечения взаимных интересов и взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, «новый» макрорегион обладал значительным потенциалом по упорядочиванию полицентризма, содействовал в поиске форм мирного сосуществования разных геополитических проектов и даже цивилизаций.

Для «нового» макрорегиона необходим «вес»: его значимость зависит не столько от территориальной охвата, сколько от «геополитической плотности». Под последней понимаем важность конкретной территории в конкуренции и взаимодействии крупных держав, в соперничестве или мирном сосуществовании различных центров силы. Географическая целостность не является обязательным критерием «нового» макрорегиона. Он может представлять собой как единый географический массив, так и не граничащие друг с другом пространства.

Одним из предвестников географического типа «нового» макрорегиона в Европе можно считать пространство Эльзаса, Лотарингии и Саара. Его «геополитическая плотность» в течение нескольких веков выражалась в борьбе за территории, на смену которой после 1945 г. пришёл «вечный мир» между Германией и Францией. Элементы этого типа в других частях мира прослеживаются на примере современной истории Гонконга и Тайваня – первый длительное время являлся одной из реперных точек в отношениях между Британией и Китаем; второй до сих пор остаётся основополагающим в динамике отношений между Китаем и США. Другой пример «геополитической плотности» – Бенилюкс как предтеча западноевропейского интеграционного проекта. БРИКС также можно отнести к макрорегиону нового типа. Между входящими в него странами формируется особое поле межцивилизационных взаимодействий, которые в глобальном масштабе становятся важным фактором упорядоченного развития полицентричной системы международных отношений.

Секьюритизация БСМ

В основе нелинейного развития макрорегиона в последние несколько лет лежат процессы секьюритизации, решение проблем безопасности в широком смысле этого слова². Такое развитие может выражаться как в переходе от соперничества к сотрудничеству, так и представлять собой противоположный вариант, если столк-

¹ Об идее «стягивания» регионов см.: [Воскресенский, 2012: 30–58].

² Об их значении для интеррегионализма писали ещё Б. Бузан и О. Уэйвер. См.: [Buzan, Waever, 2003]. О смене национальных подходов к Арктике см. [Белов, Котов, 2024].

вающиеся центры силы не в состоянии выработать общеприемлемый *modus vivendi*. В этом отношении «новый» макрорегион имеет определённую общность с понятиями «пограничный регион», «пограничье», «территория-пролив», «междоцивилизационное пространство», по-разному раскрытыми в трудах С. Хантингтона, В.Л. Цимбурговского, С.В. Хатунцева, Я.Г. Шемякина, М.С. Михалева, Д. Кицкиса и др.

Переход России и части европейского Запада к острой конфронтации ведёт к тому, что БСМ, становление которого проходило в 1990-е – 2000-е гг. как транзит от соперничества к сотрудничеству, приобретает обратную направленность. От Гренландии до Беларуси, от Британии до Кольского полуострова образуется зона наземного и морского соперничества, которая концентрируется по линии соприкосновения России – НАТО. Балтийское море в ЕС давно характеризуют, как их «внутреннее». После присоединения в 2023–2024 гг. к альянсу Финляндии и Швеции [Плевако, 2024: 75–83; Гриняев, Журавель, 2025: 34–43] популярность приобрёл тезис о Балтике, как о «внутреннем море» этого военного блока. Противостояние военных инфраструктур распространяется на Скандинавию и проникает в Арктический регион. В прошлое быстрыми темпами уходит стереотип о «тихом» регионе Северной Европы¹. Длительное время он прочно ассоциировался с политикой нейтралитета, общей памятью о Второй мировой войне, добрососедском послевоенного периода. Во многом такое благоприятное положение вещей опиралось на различные формы нейтралитета Финляндии и Швеции. Ряд военных самоограничений после Второй мировой войны брали на себя Норвегия и Дания.

Конечно, сказанное не отменяет того, что арктическая часть БСМ в годы холодной войны была местом интенсивного противоборства, в первую очередь подводных флотов СССР и стран – членов НАТО. Северные морские просторы превратились в ключевой узел противолодочной борьбы с использованием корабельных поисково-ударных групп, стали важным фактором обеспечения военно-политического паритета Москвы с Вашингтоном. Тогда, как и сейчас, такое противостояние проходит по т. н. фареро-исландскому рубежу на стыке Северного Ледовитого океана и Северной Атлантики². Теперь, в дополнение к этому, образовалась протяжённая линия наземного соприкосновения России – НАТО вдоль восточной границы Финляндии. Все страны, которые по земле и по морю расположены вокруг Калининградской области, стали членами альянса. В результате существенно меняется военная география. Так, о. Готланд, который Швеция активно милитаризирует после вступления в НАТО, расположен менее чем в 300 км от г. Балтийск – основ-

¹ В 2008 г. в коллективной монографии «Северная Европа. Регион нового развития» о Северной Европе говорилось: «На сегодняшний день северо-западный фланг России является наиболее спокойным, а сам регион – наименее проблемным в Европе». Однако уже тогда российские учёные ставили вопрос о рисках нестабильности в случае вступления Финляндии и Швеции в НАТО. См.: [Северная Европа. Регион нового развития, 2008: 11].

² В военном лексиконе НАТО эта линия противолодочной борьбы обозначается как GIUK – от первых букв Greenland – Island – United Kingdom, или ГИШ на русс. яз. (Гренландия – Исландия – Шотландия). Второй противолодочный рубеж ближе к границам РФ проходит по линии между норвежскими мысом Нордкап и о. Медвежий.

ного места базирования Балтийского флота РФ. Происходящий бум развития военной инфраструктуры в Балтийском регионе опирается на многолетний процесс укрепления восточного фланга НАТО, в том числе в рамках Сил быстрого реагирования: создание в период с 2014 г. 8 многонациональных боевых групп на уровне батальонов, 4 из которых расположены в БСМ (Эстония, Латвия, Литва, Польша), и их трансформация в бригады (первая из них под руководством Германии официально открыта в апреле 2025 г. в Литве). В 2026 г. ещё одна боевая группа под командованием Швеции должна появиться в Финляндии.

Давнюю историю развития военного сотрудничества и потенциалов в БСМ, направленных прямо или косвенно на сдерживание «угрозы с востока», имеет ряд других шагов и программ. Например, Дания ещё в 1994 г. подписала договоры о военном сотрудничестве со всеми прибалтийскими странами. На следующий год то же самое сделала Норвегия. В 2009 г. было запущено Северное оборонное сотрудничество (*NORDEFCO*) с участием Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии и Исландии. Оно эволюционирует от задачи оптимизации военного производства в рамках совместных проектов ВПК стран – членов этого объединения и интероперабельности (совместимости) их вооружённых сил к задачам по сдерживанию России на восточном и северном флангах НАТО, в частности в Арктике [Данилов, 2024а: 7–17]. Значительная часть БСМ является зоной деятельности Объединённых экспедиционных сил, ОЭС¹ (Объединённые силы быстрого реагирования), создание которых были инициировано в 2012 г. Соединённым Королевством и поддержано в 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе на базе концепции «рамочной нации», предложенной ранее Германией. В 2018 г. было объявлено, что ОЭС достигли полной оперативной готовности. Со временем в состав этого объединения, помимо Британии, вошли все скандинавские и прибалтийские государства, а также Нидерланды².

В новой геополитической реальности именно в БСМ переместились главные контактные зоны между Россией и Североатлантическим альянсом. В годы холодной войны такую роль в центре Европы играли территории на стыке ФРГ и ГДР, особенно «Фульдский разрыв»³ (Айзенахский коридор) на границе Гессена и Тюрингии. Образно, новая «Фульда» теперь возникает в БСМ – в Балтийском море и вдоль границ с Финляндией в дополнение к прибалтийским государствам и Норвегии. В военном планировании сторон всё большее внимание уделяется роли Калининграда, вокруг которого происходит активная милитаризация⁴, и «сувалкского коридора»⁵ с точки зрения гипотетического столкновения между Россией и НАТО. Отдельный насущный вопрос – сухопутный транзит между Калининградом и остальной

¹ англ. – Joint Expeditionary Force.

² О процессе интеграции североευропейских стран – членов ЕС и НАТО в военные структуры также см.: [Стратегическая автономия ЕС и перспективы..., 2020].

³ англ. – Fulda gap.

⁴ [Зверев, 2024]. Также см.: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/the-baltic-is-not-the-balkans-but-anxiety-grows/> (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ О стратегической роли «сувалкского коридора» см.: [Громыко, 2025: 10–12].

частью России через Литву. Всем памятен эпизод, когда Вильнюс в 2022 г. предпринял попытку частичной блокады российских транзитных грузоперевозок.

Долговременная конфронтация с Россией закладывается в доктринальные документы стран ЕС и НАТО, входящих в БСМ. Например, в докладе норвежской службы внешней разведки «Фокус 2024» ВС России названы главной военной опасностью для суверенитета, жителей и территории этой страны¹. Датская стратегия внешней политики и безопасности утверждает, что «политические, военные и территориальные амбиции России будут представлять угрозу для Дании и Европы многие годы» [Foreign and Security Policy Strategy, 2023]. «Россия представляет наибольшую угрозу нашей национальной безопасности в период до 2030 г.», – говорится в национальной стратегии безопасности Швеции [National Security Strategy, 2024]. В правительственном докладе о финской внешней политики и политике безопасности заявлено, что из-за действий России «для Финляндии фундаментально и надолго ухудшились условия безопасности» и что страна «готовится к экспансии российской агрессии в Европе» [Government report on Finnish foreign..., 2024]. Показательно и то, что в европейской части Запада именно в БСМ сконцентрированы государства с обязательной воинской повинностью (Дания, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва). В Польше и Германии рассматриваются варианты возвращения призыва.

Вступив в ряды НАТО, Хельсинки и Стокгольм (как и все другие скандинавские страны) заключили новые двусторонние соглашения с Вашингтоном, предоставив американским военным для использования десятки военных баз и объектов. США расширяют географию применения своих стратегических бомбардировщиков, которых развёртывают не только в Британии и Норвегии, но впервые в истории, в 2023 г., в Швеции и воздушном пространстве Финляндии. Из стран БСМ Германия является давним членом «совместных ядерных миссий» НАТО, а Дания, Норвегия и Польша участвуют в соответствующей вспомогательной программе². В учениях НАТО по ядерному сдерживанию «Стойкий полдень» в 2024 г. впервые принимали участие ВВС Финляндия, что говорит о расширении числа стран, относящихся к БСМ, вовлекаемых в деятельность «совместных ядерных миссий». Более того, Польша в последние годы открыто ставит вопрос не только о своём прямом включении в состав таких миссий, но о размещении на своей территории ТЯО США. Кроме того, Варшава собирается превратить польскую армию в самую крупную и современную сухопутную силу среди европейских государств – членов НАТО.

Балтийское море испещрено трубопроводами (например газопровод *Balticconnector*), подводными телекоммуникационными и энергетическими кабелями (*BCS*, *C-Lion1*, *Arelion*, *Estlink 2* и др.), объектами критической гражданской инфраструктуры. Подрыв трёх ниток газопровода «Северных потоков» в Балтийском море рядом со шведским о. Борнхольм в сентябре 2022 г. – яркое свидетельство уяз-

¹ Focus 2024. The Norwegian Intelligence Service's assessment of current security challenges. P. 6. О милитаризации норвежской арктической политики см.: [Гриняев, 2025].

² «Поддержка ядерных операций с помощью обычных тактических полётов ВВС» (Support of Nuclear Operations with Conventional Air Tactics, SNOWCAT).

вимости критической гражданской инфраструктуры в условиях геополитического противоборства. Очевидный пример милитаризации Балтийского моря – создание в немецком Ростке регионального штаба ВМФ Германии по координации военно-морской активности стран – членов НАТО [Данилов, 2024b: 58–68]. Антироссийская пропаганда стала основой для решения альянса запустить в начале 2025 г. новую миссию «Балтийский часовой» (*Baltic Sentry*) с задействованием морских беспилотников, военных кораблей и разведывательных самолётов¹. На подобного рода решения, принимаемые на основе бездоказательных обвинений, которые намеренно раздуваются в западном медийном пространстве, не влияют доводы в непричастности России к различного рода инцидентам, даже если это доводы ряда западных спецслужб².

В Балтийском море уже было несколько случаев, связанных с задержанием и досмотром судов, подозреваемых в диверсиях в пользу России или принадлежности к её т. н. «теневому флоту», вплоть до операций по их перехвату в международных водах. Наиболее громкий случай имел место в мае 2025 г., когда ВМС и вертолёт Эстонии в Финском заливе попытались, в том числе с помощью десантирования, изменить курс нефтяного танкера под флагом Габона, следовавшего в Приморск, и заставить его войти в территориальные воды страны. Операция, в которой также участвовали польские военные самолёты, была свёрнута после появления в небе российского истребителя Су-35. Со своей стороны, ЕС проводит кампанию по дискредитации России как страны, наносящий ущерб биоразнообразию Балтийского моря, его рыбным запасам, морской среде и инфраструктуре [Колесникова, 2025: 75–81].

* * *

Настоящее исследование предпринято для обоснования тезиса о формировании на севере Европы «нового» Балтийско-Скандинавского макрорегиона (макрорегиона нового типа). Эта разновидность регионализма не укладывается в понятие «старого» регионализма или «нового». Данный феномен свойственен полицентричной системе международных отношений, в которой отсутствует доминирующий центр и государства-гегемоны. Этот феномен представляет собой многосоставное явление и может быть оценен в русле эволюции «нового» интеррегионализма, который трансформируется в данном случае в макрорегионализм, включая понятие «геополитического регионализма». Складывание БСМ вокруг балтийского ядра и скандинавского ядра тесно связано с историческими процессами, в результате которых в период с XVIII в. по XXI в. охватываемое им пространство играло и центральную, и перифе-

¹ https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_232122.htm (дата обращения: 08.10.2025).

² Miller G., Dixon R., Stanley-Becker. *Accidents, nor Russian sabotage, behind undersea cable damage, officials say* // The Washington Post, January 19, 2025. <https://www.washingtonpost.com/world/2025/01/19/russia-baltic-undersea-cables-accidents-sabotage/> (дата обращения: 08.10.2025).

Michaels D. *How NATO Patrols the Sea for Suspected Russian Sabotage* // The Wall Street Journal, 30 March, 2025. <https://www.wsj.com/world/europe/nato-russia-undersea-cable-pipeline-prevention-212d93ff> (дата обращения: 08.10.2025).

рийную роль в узловых событиях общеевропейского и даже глобального характера. БСМ предшествовали различные регионально-пространственные вариации в эпоху европоцентризма и затем биполярности. С 1990-х гг. постепенная трансформация мирового порядка в сторону полицентричности привела к возникновению плотной ткани межгосударственного, международного, приграничного взаимодействия в БСМ.

В последние годы механизмы блокового противостояния пытаются воссоздать себя в этой части Евразии, вновь разделить данное пространство по идеологическому и геополитическому признаку. «Стянутость» пространства БСМ может носить как «позитивный» (кооперационный), так и «негативный» (конфронтационный) характер. В обоих случаях расположенные в нём игроки воспринимают эту часть мира как определённую целостность и систему сообщающихся сосудов с большой «геополитической плотностью». БСМ – макрорегион открытого типа, его рубежи жёстко не фиксированы, а геополитические пределы подвижны. Общеевропейское и во многом глобальное значение БСМ отражено в стратегической заинтересованности в нём крупных игроков и центров силы: России, Союзного государства, ЕС, НАТО, США, Британии, Китая и др. Его секьюритизация на базе конфронтации не соответствует объективным интересам расположенных здесь стран, наносит ущерб их социально-экономическому развитию, повышает военные риски. Попытки Запада, особенно его европейской составляющей, возродить в БСМ парадигму «железного занавеса» в долгосрочном плане вряд ли будут иметь успех, так как они предпринимаются в условиях полицентричной системы международных отношений, которая качественно отличается от биполярного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антюшина Н. (2014) *Северная Европа: секреты успеха. Североевропейская модель*. Саларбрюккен: LAP LAMBERT Publishing. С. 178–179.

Балтийское море: от координации стратегий к процветанию макрорегиона. (2013) НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. 100 с.

Белов В.Б., Котов А.В. (2024) «Смена вех» в Заполярье: о новой версии арктической политики ФРГ. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 23. С. 5–12.

Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. (2012) «Северное измерение» и Стратегия Европейского Союза для региона Балтийского моря. *Псковский регионологический журнал*. № 13. С. 45.

Воронков Л.С. (2009) *Страны Северной Европы, «Северное измерение» и Россия*. Аналитические записки, выпуск 1(41). МГИМО-Университет, Москва. Февраль 2009. 21 с.

Воронков Л.С. (2016) *Северное сотрудничество и особенности североевропейской интеграции*. Учебное пособие. МГИМО-Университет, Москва. 340 с.

Воскресенский А.Д. (2012) Концепция регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. *Сравнительная политика*. № 2. С. 30–58.

Горбачёва Н.В. (2023) Динамика энергоперехода Сибири и Скандинавии: факторы трансформации. *Россия и современный мир*. № 3(120). ИНИОН РАН, Москва. С. 21–41.

Гриняев С.Н. (2025) Новая арктическая стратегия Норвегии 2025 года: вызовы и риски для российских интересов в Арктике. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 25.

Гриняев С.Н., Журавель В.П. (2025) Швеция: первый год в НАТО. Военно-политические и военно-стратегические аспекты. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 5. С. 34–43.

Громыко Ал.А. (2025) Контроль над вооружениями – формула академика Рогова. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6. С. 10–12.

Гуселетов Б.П. (2024) Трансформация роли и влияния стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона на политику Евросоюза в отношении России (по итогам выборов в Европарламент в 2024 г.). *Общественные науки и современность*. № 5. С. 22–33.

Данилов Д.А. (2024а) НАТО в Арктике: импульсы и ограничения. *Научно-аналитический вестник*. № 5. С. 7–17.

Данилов Д.А. (2024b) Региональный военно-морской штаб СТФ Baltic в восточной Германии: военно-политические и политико-правовые аспекты. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 30. С. 58–68.

Европейская интеграция: учебник. (2011) Под ред. О.В. Буториной. «Деловая литература», Москва. С. 631.

Зверев Ю.М. (2024) *Наращивание и модернизация вооружённых сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области: информационно-аналитический доклад*. Калининград: БФУ им. И. Канта. 68 с.

Колесникова М.Л. (2025) Балтийское море: формирование единого антироссийского кейса. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 1. С. 75–81.

Кортунов А.В. (2019) *Ганзейский союз как прообраз грядущего миропорядка*. РСМД, Москва. 31 декабря 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ganzeyskiy-soyuz-kak-proobraz-gryadushchego-miroporyadka/?ysclid=mecklaokm8400295904> (дата обращения: 08.10.2025).

Клемешев А.П., Корнеевой В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Фёдоров Г.М. (2017) Подходы к определению понятия «Балтийский регион». *Балтийский регион*. Т. 9. № 4. С. 7–28.

Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. (2020) Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. № 2. С. 261–278.

Максимцев И.А., Саржина М.В., Ходзько С.Т., Юргенс И.Ю. (2021) *Большое Евразийское партнёрство: синергия политики и бизнеса*. В: *Большое Евразийское партнёрство — новые горизонты сотрудничества*. Под ред. И.А. Максимцева. Изд. СПбГЭУ, Санкт-Петербург. С. 49.

Маркушина Н.Ю. (2011) *Российская внешнеполитическая стратегия в контексте реализации концепции «Новый Север»*. Диссертация на звание доктора политических наук. 2011.

Михайленко В.И. (2018) *Современный интеррегионализм: формирование региональных и межрегиональных отношений*. Глава 3. В: *Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века*. Под ред. В.И. Михайленко. Издательство Уральского государственного университета, Екатеринбург. С. 69–83.

Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. (2019) *Внешняя региональная политика Европейского союза в XXI веке. Европейский интеррегионализм*. Изд. Уральского университета, Екатеринбург. 330 с.

Пальмовский Т. (2021) Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря и её реализация. *Балтийский регион*. Т. 13. № 1. С. 141.

Пилясов А.Н., Клименко Н.А. (2011) Балтийский макрорегион: географические макро-структуры, специфика коммуникации, инновационный потенциал. *Балтийский регион*. № 3. С. 71–87.

Плевако Н.С. (2024) Проблемы безопасности Швеции и Финляндии: год 2024. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 32. С. 75–83.

Северная Европа. Регион нового развития. (2008) Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. «Весь мир», Институт Европы РАН, Москва. С. 9.

Северное Вече. Материалы II Открытой встречи СИФ. (2002) Северный исследовательский форум, Арктический институт Стефанссона и Университет Акурейри, Великий Новгород. Сентябрь 2002. С. 93, 100, 133.

Спартак А.Н. (2017) Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам. *Контуры глобальных трансформаций*. Т. 10. № 4. С. 13–37.

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. (2020) Под ред. Арбатовой Н.К., Кокеева А.М. Весь мир, Москва. 368 с.

Хейфец Б.А. (2024) Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики. *Вестник международных организаций*. Т. 19. № 4. С. 7–22.

Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Powers. The structure of international security*. Cambridge Studies in International Security: 91. Cambridge University Press.

Doidge M. (2011) *The European Union and Interregionalism: Patterns of Engagement*. Ashgate Publishing.

Foreign and Security Policy Strategy. (2023) May 2023. Ministry of Foreign Affairs. P. 11.

Government report on Finnish foreign and security policy. (2024) Publication of the Finnish Government 2024:35. P. 22.

Heininen Lassi, Käkönen Jyrki. (1998) The New North Europe. Perspectives on Northern Dimension. *Tampere Peace Research Institute. Research Report No. 80*. 132 p.

Hänggi H., Roloff R., Rüland J. (2006) *Interregionalism and International Relations*. Routledge.

Hettne B., Inotia A., Sunkel O. (1999) *Globalism and the New Regionalism*. London.

National Security Strategy. Government Offices of Sweden. Prime Minister's Office. (2024) P. 15.

Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. (2001) *Regionalisation in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes*. N.Y.

Söderbaum F. (2015) Early, Old, New and Comparative Regionalism. *The Scholarly Development of the Field. SSRN Electronic Journal KFG Working Papers* (64). October 2015. 28 p.

The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. (2008) Ed. by Pami Aalto, Helge Blakkisrud, Hanna Smith. Centre for European Policy Studies. 237 p.

Baltic-Scandinavian Macroregion: Regionalism of a New Type¹

© 2025 Al.A. Gromyko

Corresponding Member, Russian Academy of Sciences

Director of the Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: alexey@gromyko.ru

Abstract. The author puts forward a hypothesis about formation of the Baltic-Scandinavian Macroregion (BSM). This phenomenon is characterised as a macroregion of a new type (a “new” macroregion), which is inherent in the polycentric system of in-

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

ternational relations. The research of its framework, structure and historical background is undertaken. The assumption is that BSM is an evolutionary follow-up of “new interregionalism” (post-neointerregionalism). A notion of “geopolitical density” is explored. In the focus of the article is the securitisation of BSM, which was predated by the transit from rivalry to cooperation after the end of the Cold War. The quick pace of BSM’s militarisation is demonstrated in the conditions when key contact zones between Russia and NATO have shifted to Northern Europe. In the author’s opinion, the reincarnation (revival) of long-term mechanisms of the Cold War confrontation in BSM will not bear fruit as they do not reflect objective interests of the countries located there.

Keywords: Baltic-Scandinavian Macroregion, regionalism, interregionalism, Northern Europe, geopolitical density, Baltic region, militarisation

DOI: 10.7868/S3034599525060014

REFERENCES

- Antyushina N. (2014) *Severnaya Evropa: sekrety uspekha. Severoevropejskaya model'* [Northern Europe: secrets of success. The Northern European model]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Publishing, pp. 178–179. (In Russian).
- Baltijskoe more: ot koordinacii strategij k процветанию makroregiona* [The Baltic Sea: from strategy coordination to the prosperity of the macroregion]. (2013) NIU VSHE – Sankt-Peterburg, Russia. (In Russian).
- Belov V.B., Kotov A.V. Белов. (2024) “Smena veh” v Zapolyarie”: o novoi versii arkticheskoi politiki FRG. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 23. pp. 5–12. (In Russian).
- Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. (2012) “Severnoe izmerenie” i Strategiya Evropejskogo Soyuza dlya regiona Baltijskogo moray [“The Northern Dimension” and the Strategy of the European Union for the Baltic Sea region]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, 13. (In Russian).
- Voronkov L.S. (2009) *Strany Severnoj Evropy, “Severnoe izmerenie” i Rossiya* [The countries of Northern Europe, the “Northern Dimension” and Russia]. *Analiticheskie zapiski*, vypusk 1(41). MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. Fevral' 2009. (In Russian).
- Voronkov L.S. (2016) *Severnoe sotrudnichestvo i osobennosti severoevropejskoj integracii* [Northern cooperation and the peculiarities of the Northern European integration]. Uchebnoe posobie. MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. (In Russian).
- Voskresenskij A.D. (2012) *Koncepciya regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah* [The concept of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in modern international relations]. *Sravnitel'naya politika*, 2, pp. 30–58. (In Russian).
- Gorbachyova N.V. (2023) *Dinamika energoperekhoda Sibiri i Skandinavii: faktory transformacii* [Dynamics of energy transition in Siberia and Scandinavia: transformation factors]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 3(120). INION RAN, Moscow, Russia, pp. 21–41. (In Russian).
- Grinyaev S.N. (2025) *Novaya arkticheskaya strategiya Norvegii 2025 goda: vyzovy i riski dlya rossijskih interesov v Arktike* [Norway's New Arctic Strategy for 2025: challenges and risks for Russian Interests in the Arctic]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 25. (In Russian).
- Grinyaev S.N., Zhuravel' V.P. (2025) *Shveciya: pervyj god v NATO. Voenno-politicheskie i voenno-strategicheskie aspekty* [Sweden: the first year in NATO. Military-political and military-strategic aspects]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 5, pp. 34–43. (In Russian).
- Gromyko A.I. (2025) *Kontrol' nad vooruzheniyami – formula akademika Rogova* [Arms control – the formula of Academician Rogov]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 6, pp. 10–12. (In Russian).

Guseletov B.P. (2024) Transformaciya roli i vliyaniya stran Baltijsko-Skandinavskogo makroregiona na politiku Evrosoyuza v otnoshenii Rossii (po itogam vyborov v Evroparlament v 2024 g.) [Transformation of the role and influence of the countries of the Baltic-Scandinavian macroregion on the policy of the European Union towards Russia (following the results of the elections to the European Parliament in 2024)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, pp. 22–33. (In Russian).

Danilov D.A. (2024a) NATO v Arktike: impul'sy i ogranicheniya [NATO in the Arctic: impulses and limitations]. *Nauchno-analiticheskij vestnik*, 5, pp. 7–17. (In Russian).

Danilov D.A. (2024b) Regional'nyj voenno-morskoy shtab CTF Baltic v vostochnoj Germanii: voenno-politicheskie i politiko-pravovye aspekty [CTF Baltic Regional Naval Headquarters in East Germany: military-political and political-legal aspects]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 30, pp. 58–68. (In Russian).

Evropejskaya integraciya: uchebnik [European integration: a textbook]. (2011) Ed. O.V. Butorinoj. «Delovaya literatura», Moscow, Russia. (In Russian).

Zverev Yu.M. (2024) *Narashchivanie i modernizaciya vooruzhennykh sil Pol'shi, Litvy i drugih stran NATO vokrug Kaliningradskoj oblasti: informacionno-analiticheskij doklad* [Building up and modernizing the armed forces of Poland, Lithuania and other NATO countries around the Kaliningrad region: an information and analytical report]. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta. (In Russian).

Kolesnikova M.L. (2025) Baltijskoe more: formirovanie edinogo antirossijskogo kejsa [The Baltic Sea: the formation of a unified anti-Russian case]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1, pp. 75–81. (In Russian).

Kortunov A.V. (2019) *Ganzejskij soyuz kak proobraz gryadushchego miroporyadka* [The Hanseatic League as a prototype of the coming world order]. RSMU, Moscow, Russia. 31 dekabrya 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ganzejskij-soyuz-kak-proobraz-gryadushchego-miroporyadka/?ysclid=mecklaokm8400295904> (accessed: 08.10.2025). (In Russian).

Klemeshev A.P., Korneev V.S., Pal'movskij T., Studzhinickij T., Fyodorov G.M. (2017) Podhody k opredeleniyu ponyatiya “Baltijskij region” [Approaches to the definition of the concept “Baltic region”]. *Baltijskij region*, 9(4), pp. 7–28. (In Russian).

Lagutina M.L., Mihajlenko E.B. (2020) Regionalizm v global'nyu epohu: obzor zarubezhnyh i rossijskikh podhodov [Regionalism in the Global era: a review of foreign and Russian approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 261–278. (In Russian).

Maksimcev I.A., Sarzhina M.V., Hodz'ko S.T., Yurgens I.Yu. (2021) *Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo: sinergiya politiki i biznesa* [The Great Eurasian Partnership: the Synergy of Politics and Business]. V: *Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo – novye gorizonty sotrudnichestva*. Ed. I.A. Maksimceva. Izd. SPbGEU, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Markushina N.Yu. (2011) *Rossiyskaya vneshnepoliticheskaya strategiya v kontekste realizacii koncepcii “Novyj Sever”* [Russian foreign policy strategy in the context of the implementation of the “New North” concept]. *Dissertaciya na zvanie doktora politicheskikh nauk*. 2011. (In Russian).

Mihajlenko V.I. (2018) *Sovremennyy interregionalizm: formirovanie regional'nyh i mezhregional'nyh otnoshenij* [Modern interregionalism: the formation of regional and interregional relations]. Glava 3. V: *Asimmetrii regional'nyh integracionnykh proektov XXI veka*. Ed. V.I. Mihajlenko. Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Ekaterinburg, Russia, pp. 69–83. (In Russian).

Mihajlenko E.B., Mihajlenko V.I. (2019) *Vneshnyaya regional'naya politika Evropejskogo soyuza v XXI veke. Evropejskij interregionalizm* [The European Union's Foreign Regional Policy

in the 21st Century. European Interregionalism]. Izd. Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Pal'movskij T. (2021) Strategiya Evropejskogo soyuza dlya regiona Baltijskogo morya i eyo realizaciya [The Strategy of the European Union for the Baltic Sea region and its implementation]. *Baltiyskij region*, 13(1). (In Russian).

Pilyasov A.N., Klimenko N.A. (2011) Baltijskij makroregion: geograficheskie makrostruktury, specifika kommunikacii, innovacionnyj potencial [The Baltic macroregion: geographical macrostructures, specifics of communication, innovative potential]. *Baltiyskij region*, 3, pp. 71–87. (In Russian).

Plevako N.S. (2024) Problemy bezopasnosti Shvecii i Finlyandii: god 2024 [Security problems in Sweden and Finland: the year 2024]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 32, pp. 75–83. (In Russian).

Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe. The region of new development]. (2008) Pod red. Yu.S. Deryabina, N.M. Antyushinoy. «Ves' mir», Institut Evropy RAN, Moskva. S. 9. (In Russian).

Severnoe Veche. Materialy II Otkrytoj vstrechi SIF [The Northern Assembly. Materials of the II CIF Open Meeting]. (2002) Severnyj issledovatel'skij forum, Arkticheskij institut Stefanssona i Universitet Akurejri, Velikij Novgorod. Sentyabr' 2002, pp. 93, 100, 133. (In Russian).

Spartak A.N. (2017) Metamorfozy processa regionalizacii: ot regional'nyh torgovyh soglashenij k megaregional'nym proektam [Metamorphoses of the regionalization process: from regional trade agreements to mega-regional projects]. *Kontury global'nyh transformacij*, 10(4), pp. 13–37. (In Russian).

Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej [The EU's strategic autonomy and prospects for cooperation with Russia]. (2020) Ed. Arbatovoj N.K., Kokeeva A.M. Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Hejfec B.A. (2024) Geopoliticheskij regionalizm i novaya regionalizaciya mirovoj ekonomiki [Geopolitical regionalism and the new regionalization of the world economy]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 19(4), pp. 7–22. (In Russian).

Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Powers. The structure of international security*. Cambridge Studies in International Security: 91. Cambridge University Press.

Doidge M. (2011) *The European Union and Interregionalism: Patterns of Engagement*. Ashgate Publishing.

Foreign and Security Policy Strategy. (2023) May 2023. Ministry of Foreign Affairs. P. 11.

Government report on Finnish foreign and security policy. (2024) Publication of the Finnish Government 2024:35. P. 22.

Heininen Lassi, Käkönen Jyrki. (1998) The New North Europe. Perspectives on Northern Dimension. *Tampere Peace Research Institute. Research Report*, 80. 132 p.

Hänggi H., Roloff R., Rüland J. (2006) *Interregionalism and International Relations*. Routledge.

Hettne B., Inotia A., Sunkel O. (1999) *Globalism and the New Regionalism*. London.

National Security Strategy. Government Offices of Sweden. Prime Minister's Office. (2024) P. 15.

Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. (2001) *Regionalisation in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes*. N.Y.

Söderbaum F. (2015) Early, Old, New and Comparative Regionalism. The Scholarly Development of the Field. *SSRN Electronic Journal KFG Working Papers* (64). October 2015. 28 p.

The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. (2008) Ed. by Pami Aalto, Helge Blakkisrud, Hanna Smith. Centre for European Policy Studies. 237 p.